

Научная статья

УДК 81'37(=512.36)

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-131-142

Вербализация страха в бурятском языке

Екатерина Владимировна Сундueva

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

sundueva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>

Аннотация

В статье рассматриваются лексемы бурятского языка на фоне халха-монгольского и калмыцкого языков, вызывающие различные проявления страха, а также фразеологические единицы данного семантического поля. Выявлена связь между акустико-артикуляционными характеристиками доминантных согласных корня с психологическими проявлениями страха. Доминантный согласный корня, являясь носителем генерального признака, содержит базовую информацию о денотате. Так, установлено, что доминантный согласный [g], благодаря соприкосновению задней части языка с мягким небом, обозначает задержку дыхания. Доминантный согласный [l] передает течение воздуха, резкий вдох, доминантные согласные [r], [j] и [č], вызывающие внутренний дискомфорт, служат для актуализации в языке дрожания, трепета. Дальнейшие исследования в данном направлении позволят выявить звуко-символические значения лексем, актуализирующих информацию не только о психологических характеристиках, но и о свойствах поверхности, форме объекта, динамических состояниях и иных характеристиках. Фразеологизмы характеризуют такие физиологические формы проявления страха, как холодок по спине, дрожь, шевеление волос на голове, расширение глаз, оцепенение и попытка побега. Также рассмотрены фразеологические единицы с компонентом *зүрхэн* 'сердце', который выступает в значениях 'воля, решимость; смелость, отвага' и близок слову *зориг* 'смелость, сила воли'. Они проиллюстрированы цитатами из бурятской художественной литературы, демонстрирующими естественное функционирование эмотивов страха в языке. Национально-культурная специфика выявлена в развитии значения глаголов монг. *хулчийх* 'бояться' на основе значения 'прижимать уши от страха (о лошади, собаке)'. В целом паремии со словом морин 'лошадь' в монгольских языках изображают это животное как очень ценное для кочевника животное, не случайно его называют *морин эрдэни* 'конь-драгоценность', в большинстве случаев компонент *морин* имеет положительную эмоциональную окраску. Однако лошадь может актуализировать другие метафорические смыслы, образно характеризующие человека, в частности, его трусость. Компоненты фразеологических единиц, обозначающие домашнее животное, также участвуя в интерпретации окружающей действительности, формируют национально-культурные стереотипы, отражают менталитет народа, его самобытность и особенности мировосприятия.

Ключевые слова

бурятский язык, эмотивная лексика, фоносемантика, восприятие, фразеология

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Для цитирования

Сундueva Е. В. Вербализация страха в бурятском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 131–142. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-131-142

© Сундueva Е. В., 2023

Verbalization of Fear in the Buryat Language

Ekaterina V. Sundueva

Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

sundueva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>

Abstract

The author considers Buryat lexemes naming various manifestations of fear, as well as phraseological units of the corresponding semantic field. The connection between the acoustic-articulatory characteristics of the dominant consonants of the root and the psychological manifestations of fear is revealed. The dominant consonant of the root, being the carrier of the general characteristic, contains basic information about the denotatum. Thus, it has been found that the dominant consonant [g], due to the contact of the back of the tongue with the soft palate, indicates breath delay. The dominant consonant [l] conveys the flow of air, a sharp inhalation, the dominant consonants [r], [ʃ] and [ç], causing internal discomfort, serve to actualize trembling in the spoken language. Further research in this direction will reveal the sound-symbolic meanings of lexemes that update information not only on psychological characteristics, but also on the properties of the surface, the shape of the object, dynamic states and other characteristics. Phraseological units characterize such physiological forms of fear manifestation as a chill on the back, trembling, stirring of hair on the head, widening of the eyes, numbness and an attempt to escape. Phraseological units with the component *zürhen* 'heart' are also considered. It has the meanings 'will, determination, courage' and is close to the word *zorig* 'courage, willpower'. Phraseological units are illustrated with quotations from Buryat fiction, demonstrating the natural functioning of fear emotives in the language. The national-cultural specificity is revealed in the development of the meaning of the Mongolian verb *hulchiih* 'to be afraid' based on the meaning of 'to press your ears with fear (about a horse or a dog)'. In general, the proverbs with the word *morin* 'horse' in the Mongolian languages depict this animal as a very valuable animal for a nomad; it is not by chance that it is called *morin erdeni* 'horse-jewel', in most cases the component *morin* has a positive emotional coloring. However, 'a horse' can actualize other metaphorical meanings that figuratively characterize a person, namely his cowardice. The components of phraseological units denoting domestic animals, also participating in the interpretation of the surrounding reality, form national and cultural stereotypes, reflect the mentality of the people, their identity and peculiarities of world perception.

Keywords

Buryat language, emotive vocabulary, phonosemantics, perception, phraseology

Funding

The research was carried out within the state assignment (Man's World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth, № 121031000258-9).

For citation

Sundueva E. V. Verbalization of fear in the Buryat Language. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 131–142. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-131-142

Введение

Страх относится к одной самых сильных отрицательных эмоций, продиктованных инстинктом самосохранения, ее интенсивность зависит от характера угрозы. Целью данной работы является анализ лексической репрезентации эмоции страха в бурятском языке, для чего были поставлены задачи: выявление мотива номинации в глагольных эмотивах страха с учетом данных психофизиологии, а также рассмотрение фразеологизмов семантического поля «страх» в бурятском языке. В данной работе рассматриваются процессуальные наименования, связанные с обозначением страха, поскольку субстантивные и адъективные наименования данной лексической группы в монгольских языках в основном представляют собой отглагольные образования. Актуальность исследования обусловлена отсутствием системного описания эмотивной лексики монгольских языков, в частности, эмотивов страха. Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что впервые установлена связь между акустико-артикуляционной характеристикой доминантного согласного корня некоторых эмо-

тивов и физиологическими формами проявления страха. Также впервые были проанализированы фразеологизмы семантического поля «страх» с учетом особенностей функционирования организма у человека, испытывающего данную эмоцию. Материалы для статьи были взяты из двуязычных, толковых, фразеологических словарей монгольских языков. Были использованы описательный метод, методы сплошной выборки, систематизации выбранных языковых единиц и их контекстологического анализа.

Глагольные эмотивы с семами ‘бояться; испытывать ужас; робеть’

Базовым глаголом со значением ‘бояться’ является глагол бур. *айха* ‘бояться, пугаться, ужасаться’, п.-монг. *ayuqu* [Kowalewski, 1849. Р. 130], монг. *айх*, калм. *эх*. Можно сказать, что этот глагол занимает центральную позицию, а остальные – периферийную. В «Этимологическом словаре алтайских языков» к протомонг. **ayu-* ‘бояться’ дается прототюркская параллель **Ej-men-* ‘смущаться, робеть, пугаться’, как отмечают авторы, протомонгольская форма не может быть тюркизмом [EDAL, 2003. Р. 496]. Частотность проявления страха в тексте эпоса «Джангара» выявлена Н. М. Мулаевой: «В эпосе доминируют эмотивные глаголы семантической группы глаголов боязни <...> Анализ глагола, отражающего эмоцию боязни *эх* ‘бояться, пугаться, страшиться, опасаться’, показывает, что для богатыря наивысшие ценности – это преданность богдо, нерушимость клятвы, честное имя» [Мулаева, 2020. С. 16].

Материалы сайта «Бурятский корпус»¹ позволяют проследить, с какими близкими по смыслу глаголами сочетается бурятский глагол *айха*. Среди них глагол *жэгишэхэ*: *Энэ үедэ Арсаланай эжы баабай хоёрын тугаарай айхабтар ехээр айһан жэгишэһэнээ огтолон мартажа, ехэл урматтай баяртай болон, сай эдегээ шананад* (Х. Намсараев) ‘В это время родители Арсалана, напрочь позабыв про свой недавний страх, принялись с воодушевлением варить чай’ (здесь и далее перевод наш. – Е. С.). В словаре О. М. Ковалевского п.-монг. *jigsiki* имеет лишь значения ‘иметь отвращение, гнушаться’ [Kowalewski, 1849. Р. 2357]. Бур. *жэгишэхэ*, монг. *жигших*, калм. *жигших* ‘испытывать отвращение, гнушаться’ содержат сему страха, как правило, если речь идет о лошади: калм. *жигших* ‘испугаться, отпрянуть’, монг. *жигших* ‘испугаться, перепугаться’. В «Бурятско-русском словаре» в глаголе *жэгишэхэ* не выделено данное значение, однако оно прослеживается в адъективных формах: *жэгишэмхэй*, *жэгишэнги*, *жэгишэһэн* ‘испуганный, пугливый – о лошади’ [БРС, 2006. С. 362]. В баргузинском говоре бурятского языка есть выражение *хүүни егшэхэ арилхаар муухай* ‘такой страшный, что можно испугаться и убежать’.

С позиции фоносемантики можно выделить доминантный заднеязычный согласный [g] в корне **jig*, который, являясь носителем генерального признака, содержит базовую информацию о денотате. Благодаря такой акустико-артикуляционной характеристике звука, как соприкосновение задней части языка с мягким небом у самой гортани, он может передавать значение прекращения, остановки как дыхания, так и любого другого процесса. Известно, что при страхе, тревоге возникает ощущение затруднения дыхания, комка в горле, давления и боли в груди, учащенного сердцебиения. В данном случае с помощью согласного [g/ɣ] вербализуется задержка дыхания от страха. Это ярко проявляется в глаголе бур. *эг гэхэ* ‘ёкнуть’: *Баярмаа Толя хоёрой зосоо эг гээд, ара нюргаарнь хүйтэ даагаадхиба* (Б. Мунгонов) ‘У Баярмы и Толи ёкнуло внутри, и по спине пробежал холодок’. Остановка процесса прослеживается в бур. *зогсохо*, п.-монг. *joysuqu*, монг. *зогсох*, калм. *зогсх* ‘останавливаться’, бур. *таг*, монг. *таг* ‘совсем, совершенно’: *таг дүлий* ‘совершенно глухой’, *таг тулаха* ‘наотрез отказываться’, *яг-таг бүтүүлхэ* ‘прочно закупорить’ и др. Участие гуттуральных гласных в передаче деятельности дыхательных органов и грудной клетки в абазинском языке отмечают А. Б. Михалев и Ж. М. Тамбиева, приводя такие примеры, как *гвылахара* ‘застревать в горле’, *гвылкъяара*

¹ URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru.

‘поперхнуться’, *гвыс* ‘тяжелое дыхание’, *гвыс-шысра* ‘задышаться’ [Михалев, Тамбиева, 1999. С. 19]. «Исследование звуков, артикулируемых в задней части полости рта, области фаринкса и гортани – гуттуральных согласных, являющих собой, возможно, древнейший фонетический состав языка, способно свидетельствовать об изначальном, ингерентном, непроизвольном использовании этих согласных для называния (обозначения) и горловой (речевой) деятельности» [Тамбиева, 2003. С. 44].

Тот же признак задержки дыхания, на наш взгляд, можно выделить в другом глаголе с корневым заднеязычным [g]: бур. *мэгдэхэ*, п.-монг. *megdekü* ‘тревожиться, беспокоиться, быть в смятении’ [Kowalewski, 1849. Р. 2018], монг. *мэгдэх* ‘прийти в смятение, опешить; паниковать’. В русском языке *тык-мык* говорится о попытках сделать что-либо, как правило, неудачных, т. е. везде встречать преграду. В бурятском языке *мэгдэхэ* также сочетается с глаголом *айха*: *Олёдой хүхихэн баярлаһандаа тугаар айжа мэгдэһэнээ хуу мартажархиба* (Ц. Дон) ‘Олёдой от радости совсем забыл про недавний страх’. В «Этимологическом словаре алтайских языков» п.-монг. *теке* ‘хитрость, обман’ и *megde-* ‘быть растерянным, озадаченным’ возводятся к единой прамонгольской форме **tek(e)-* [EDAL, 2003. Р. 896], хотя, на наш взгляд, в *теке* номинация скорее происходила на основе зрительного восприятия лица, точнее губ, хитрого человека (*мэх* – *хэм*, ср. бур. *һэм гэхэ* ‘злорадствовать’), нежели внутреннего состояния организма. Тесная связь значения бур. *багтарха* ‘цепенеть от страха’ с трудностью дыхания наглядно демонстрируется халха-монгольским глаголом *багтрах* ‘задышаться, быть не в состоянии дышать; лишиться чувств на почве удушья’.

Глагол п.-монг. *tiügsikü* ‘трепетать, дрожать от страха’ [Kowalewski, 1849. Р. 1934], монг. *түгших* ‘трепетать, биться, замирать – о сердце’, имеет звукоподражательное происхождение от *түг-түг гэхэ* ‘стучать тук-тук’ так же, как бур. *лугшаха*, монг. *лугших*, калм. *лугих* ‘пульсировать, биться’ от *луг-луг хийх* ‘пульсировать’. Бурятский глагол *түгшэхэ* имеет значение ‘задышаться, запыхаться’ [БРС, 2008. С. 264]: *Амишень даруулжа, үгсүүртэ аалидуулха хэрэгтэй. Тэрэгүй хаа, аймагаа хүрэнгүй түгшэжэ унашахадаа болохо ха юм* (Ц.-Д. Хамаев) ‘Нужно успокоить ее [лошади – Е. С.] дыхание и сбавить ход на подъеме. В противном случае она задохнется и упадет, так и не доехав до аймака’. Однако часто он сочетается с существительным *зүрхэн* ‘сердце’: *Тэрэ үхэтэрөө айшоод, зүрхэнэйнгөө түгшэтэр харайжа мэдэбэ* (Б. Мунгонов) ‘До смерти перепугавшись, она побежала так, что сердце застучало’, реже с *сэдыхэл* (*сэдыхэл түгшэхэ* ‘тревожиться’), что говорит о том, что в словарную статью следует добавить основное значение ‘пульсировать, биться’. В паре с глаголом *түлгэхэ* ‘колебаться; суетиться’ он выступает в значении ‘тревожиться, переживать’: *Ганса хүбүүнэйнгээ гарын ганзагада, хүлын дүрөөдэ хүргөө ха юмбиб, минии хүбүүн юунһээ дутабаб, эрэ хүн болоо, эрын замаар ябаг, юундэ иигэтэрээ түгшэнэ түлгэнэбиб* (Х. Намсараев) ‘Единственного сына я на ноги поставила, ни в чем он не нуждался, мужчиной стал, пусть и идет мужской дорогой, чего я так тревожусь’.

Многозначность слова *амин* в бурятском языке позволяет по-разному трактовать значение пословицы *Айһан хүнэй амин урид* досл. ‘У трусливого человека дыхание впереди’. Близкая по смыслу монгольская пословица *Айвал аминд тустай* толкуется следующим образом: *бага ч гэсэн болгоомж илүүдэхгүй* ‘даже небольшая осторожность не будет лишней’, это позволяет перевести ее ‘Страх полезен для жизни’, в данном контексте она близка рус. *Береженого Бог бережет*. Бурятскую же пословицу будет правильнее перевести: ‘У труса жизнь превыше всего’.

Также бурятский глагол *айха* встречается в сочетании с глаголом *һалганаха* ‘дрожать, трястись’: *Айха һалганаха болоо хаа, бүхы ажалаа хосороожо болохобди, үшөө өөһэдөө һалжа болохобди* (Б. Шойдоков) ‘Если бояться до дрожи, то можно всю работу упустить, можем и сами сгинуть’. В разговорной речи *һалганаха* может самостоятельно выступать в значении ‘бояться’: *Шалгалтада орохоһоо түрүүн ехээр һалганааб* ‘Я сильно боялся перед экзаменом’. С позиции фоносемантики сонант [l] передает слабость, мягкость и далее здесь дрожание, ср.

бур. *балбагар* ‘рыхлый’, монг. *бөлхөн* ‘слабый, малосильный, хрупкий’, монг. *булбагар* ‘слабый, вялый’, монг. *бүлбэгэр* ‘вялый, слабый, плохой’, бур. *хали-були, халай-балай* ‘спустя рукава, небрежно, кое-как’ и др.

Доминантный согласный [Л] также содержится в корне бур. *залд* [гэхэ], обозначающем испуг как рефлекторную реакцию на возможную угрозу: *Галзутов һаршаганаан тээшэ харасаа шэглүүлэн гэхэдээ, залд гээд, хүдэлхөө болишобо* (Б. Шойдоков) ‘Галзутов перевел взгляд туда, откуда исходил шорох, и в испуге застыл’. В данном случае сонант [Л], на наш взгляд, связан не со слабостью, а с течением воздуха при резком вдохе или выходе, о чем свидетельствует ряд образных лексем, передающих внутреннее состояние организма: бур. *зэлд гэхэ* ‘почувствовать облегчение’, бур. Барг. *һэлд гэхэ* ‘простудиться, выйдя легко одетым на мороз и вдохнув холодного воздуха’, *һал һууха* ‘так и сесть от неожиданности’, *һалд-һэлд гэхэ* ‘вздрыгнуть’, монг. *палхий-* ‘замереть (о сердце)’, *дотор пал хийнэ* ‘кровь стынет; мурашки по телу пошли’, бур. *хэлбэ бууха* ‘дрогнуть’ (*олон хүн хэлбэ бууба* ‘толпа дрогнула’) [см. подр. Сундуева, 2017].

В бурятском языке отсутствует глагол *балмагдаха*, в то время как в халха-монгольском языке глагол *балмагдах* ‘ужасаться, прийти в ужас, страшно испугаться’ обладает наибольшим экспрессивным потенциалом. Его семантика связана с производными корня **bal* ‘нечто темное, мрачное’: п.-монг. *bala boluqi* ‘потерять память, лишиться чувств от пьянства, старости’, *balai* ‘помраченный, тупой’, п.-монг. *balamad, balamud* ‘необдуманно говорящий и действующий’ [Kowalewski, 1849. Р. 1074]. Вероятно, это связано с тем, что ужас, помимо оцепенения, дрожи в теле, может сопровождаться головокружением, потемнением в глазах и даже потерей сознания. Не случайно бур. *ухаа алдаха* ‘ужасаться’ дословно переводится ‘терять разум от страха, гнева, радости’.

Монгольский глагол *халирах* ‘не осмеливаться приступить к чему-л., робеть, бояться’, очевидно, связан с глаголами монг. *халах* ‘стыдиться, стесняться, конфузиться; не смочь, не осмеливаться’, п.-монг. *qalusqu* ‘страшиться, пугаться, робеть’, монг. *халсах* ‘отступать; убежать; пугаться’, п.-монг. *qaluriyai, qaluril* ‘боязнь, страх, испуг’ [Kowalewski, 1849. Р. 794–795]. В другом глаголе монг. *хулчийх* значение ‘труситься, робеть’ дано как переносное к основному ‘бледнеть’, то же в *хулчгар* ‘бледный, блеклый; пугливый, трусливый, робкий’ [БАМРС, 2002. С. 164], также есть вариант *хулчганах* ‘бояться, труситься, робеть’. Можно предположить развитие семантики на основе цвета лица испуганного человека, однако, на наш взгляд, к глаголу *хулчийх* близки образные формы п.-монг. *qultayiqu* ‘приклеиваться, прилипнуть’ [Kowalewski, 1849. Р. 933], монг. *хулмайх*, бур. *хулмайха* ‘прижать уши, стараясь укунить в страхе или от злости (о лошади)’, *хулман* ‘прижатый к голове (об ушах животных, когда они испытывают страх или злость)’, калм. *хулмлэх* ‘озираться; прятать ушами’. Вероятно, изначально глагол *хулчийх* имел значение ‘прижимать уши (о животном)’, которое затем трансформировалось в ‘бояться (о животных и людях)’ и далее уже в ‘бледнеть’ на основе внешнего вида человека, испытывающего страх. Доминантный согласный [Л] в корне передает признак ‘прижатый, прилипший’, реализация которого связана с такой артикуляционной характеристикой фонем [Л], как прилегание языка к твердому небу.

В бурятском языке представлены глаголы со значениями ‘бояться; пугаться’ с корневым дрожащим сонантом [r], который передает внутреннее дрожание, содрогание от страха: *бард гэхэ* ‘вздрыгнуть, внезапно испугаться’, *пард гэхэ* ‘ёкнуть’, *хирүү* ‘застенчивый, несмелый’. В других монгольских языках: п.-монг. *šard*, п.-монг. *шард* выражает внезапный испуг, вздрагивание от грохота обвала; п.-монг. *dargiqu*, монг. *даргих* ‘судорожно, нервно вздрагивать’; *сэрд хийх, сэрхийх* ‘замереть (о сердце)’, *сэрвэххийх* ‘вздрыгнуть, встрепнуться’; монг. *хирд-хийх, хиртхийх* ‘быть пораженным ужасом, страхом; вздрагивать (от испуга), трепетать’, п.-монг. *kiraqi*, монг. *хярах* ‘прятаться (о зверях); притаиться, замирать (от сильного страха)’ [см. подр. Сундуева, 2010]. «Компонент “телодвижение” в момент испуга содержится в семантике тувинских глаголов *сертилээр, сырбацнаар*» [Ахматова и др., 2022. С. 226]. Ср. англ. *horror* ‘ужас’, *terror* ‘страх’, *risk* ‘страх, риск’, *tragedy* ‘трагическое событие’, *fright* ‘испуг’; нем.

Furcht ‘страх’, *Grauen* ‘ужас’, *Schreck* ‘испуг’; франц. *frayeur* ‘страх, испуг’, *frousse, terreur* ‘страх’, *effroi* ‘ужас; испуг’, *horreur* ‘ужас’ и др.

Бур. *һүрдэхэ* ‘бояться, быть подавленным мощью и величием’, п.-монг. *siirdekü* [Kowalewski, 1849. Р. 1437], монг. *сүрдэх*, калм. *сүрдх* ‘бояться, трепетать, робеть’ образованы от существительных бур. *һүр*, п.-монг. *siir* [Kowalewski, 1849. Р. 1434], монг. *сүр*, калм. *сүр* ‘величие, благолепие; сила, мощь, могущество’ с помощью словообразовательного суффикса *-da*. У.-Ж. Ш. Дондуков определяет одно из значений данного суффикса следующим образом: «испытывать внутреннее состояние, свойство человека в результате действия того, что обозначено производящей основой: *бахадаха* ‘быть в восторге, желать, стремиться’ от *баха* ‘желание, страсть, восторг’, *амидаха* ‘тяжело дышать, задыхаться’ от *амин* ‘дыхание’ и др.» [Дондуков, 1964. С. 197].

Следует отметить, что в бурятском языке есть глагол рассматриваемого семантического поля бур. *үргэхэ*, п.-монг. *ürgekü* [Kowalewski, 1849. Р. 592], монг. *үргэх*, калм. *үргх* ‘пугаться, шарахаться, бросаться в сторону’, который передает испуг животного, чаще лошади, напр. *үргэдэг морин* ‘пугливая лошадь’.

Наконец, в бурятском языке представлены глаголы со значением ‘бояться’ с аффрикатами [č] и [j] в качестве доминантных согласных корней. С позиции фоносемантики данные звуки благодаря своим акустико-артикуляционным свойствам, так же как и [r], способны передавать внутренний дискомфорт. Так, в монгольских языках корень, передающий щекотку, содержит звук [j]: п.-монг. *gejigdekü* ‘щекотать’ [Kowalewski, 1849. Р. 2491], монг. *гигиг* ‘чувствительность к щекотке; щекотка’, монг. *гигиг-гигиг*, бур. *гэжи-гэжи*, *гэжэгы-гэжэгы*, *гэжэгэй-гэжэгэй* – слова, произносимые при щекотании кого-л. Здесь звук [j] сопряжен с раздражением, дрожанием, возникающим при воздействии на кожу человека. В русском языке корень *щекот-* имеет близкий фонетический облик. В бурятском языке представлены глаголы *жэхыхэ* ‘опасаться, бояться; мёрзнуть’, *жэхүүрхэ* ‘чувствовать страх, бояться’, *жэхүүн* ‘жуткий – в том числе о холоде; вяжущий – о вкусе’. Анализ предложений в Бурятском корпусе с глаголами *жэхыхэ*, *жэхыдэнэ* *хүрэхэ* показал, что они передают жуткий, леденящий страх, от которого холодеет спина и начинают шевелиться волосы на голове. Например, *Юундэшьёб сула жэхын татаад, шэлэ хүзүүн руугаа мүйһэ хүүлээд ябаһан түхэлтэй* (Ж. Тумунов) ‘Ни с того, ни с сего его охватывал страх, и он ходил с таким видом, как будто ему за шиворот положили льдинку’; *Шэлын арада досоо жэхыдэнэ хүрэмөөр шонын улиха дуулдашаба* (С. Цырендоржиев) ‘Из-за гребня послышался волчий вой, леденящий душу’. Фонетически близки п.-монг. *jigirkekü*, *jigerkekü* ‘привести в ужас, настрашать’, *jigirkü* ‘содрогаться, трепетать от ужаса, бояться; дрожать от стужи’ [Kowalewski, 1849. Р. 2354], монг. *жийрхэх* ‘чураться; робеть; страшиться, бояться’, *жийрхэмших* ‘бояться, страшиться’.

Аффриката [j] представлена в корне **jeb* бур. *зэбэрхэ* ‘испытывать чувство страха, внутренне содрогаться’. У прилагательного бур. *зэбүүн* на первом месте сема ‘омерзительный, противный’, на втором ‘жуткий, страшный’: *Һэришоод, энэ зэбүүн харасые хаана, ямар газарта бүри наяшагай хараа һэнбиб гэжэ тон һанажа ядаба* (Б. Мунгонов) ‘Проснувшись, он никак не мог вспомнить, где совсем недавно видел этот жуткий взгляд’. Примечательно, что в халха-монгольском языке корень **jeb* служит для вербализации терморцепции, а именно работы холодовых терморцепторов кожи: монг. *зэврэх* ‘быть прохладным’. Связь страха с отвращением отражена в дефиниции англ. *horror* ‘нечто отталкивающее, вызывающее отвращение’ [Кириллова, 2007. С. 11]. Наконец, аффриката [č] выступает в роли доминантного согласного в корне бур. *сошохо*, п.-монг. *šočiqu*, *sočiqu* [Kowalewski, 1849. Р. 2211], монг. *цочих* ‘вздрагивать от испуга, пугаться; встревожиться’.

В бурятском языке отсутствует глагол *эмээхэ*, хотя в халха-монгольском глагол *эмээх* ‘страшиться, бояться, побаиваться; тревожиться, опасаться; стесняться’ употребляется в паре с *айх* ‘бояться’, он есть в словаре О. М. Ковалевского: п.-монг. *emiyeekü* ‘бояться, тревожиться, страшиться, опасаться’ [Kowalewski, 1849. Р. 216]. В калмыцком языке глагол *эмэх* используется

только в значении ‘стесняться, смущаться’. Объяснение значения страха и робости в данном глаголе затруднительно с точки зрения фоносемантики, поскольку согласный [т] чаще передает значения ‘мягкий’, ‘пушистый’, ‘нежный’, ‘тихий’. Это прослеживается в бур. *эмээхэ, эмээхэйрхэ* ‘ласково относиться, быть нежным’. В другом корне **bemb* глаголов монг. *бэмбийх, бэмбэгнэх* ‘дрожать, трепетать от страха, бояться, робеть’ согласный [т] передает такие физические свойства объекта, как ‘трясущийся, колыхающийся’, которые также реализуются в фонетически близком корне **bamb*: монг. *бамбалзуур*, бур. *бамбалзуур* ‘трясина, зыбкое болото’.

Таким образом, в бурятском языке было выявлено 11 глагольных форм, содержащих сему ‘бояться’: *айха, жэгшэхэ, мэгдэхэ, багтарха, халганаха, залд гэхэ, бард гэхэ, пард гэхэ, хүрдэхэ, үргэхэ, жэхыхэ, эбэрхэ*, 5 из них не встречаются в других монгольских языках (*багтарха, эбэрхэ, залд гэхэ, бард гэхэ, пард гэхэ*). В халха-монгольском языке также представлены глаголы, эквивалентов которых нет в бурятском и калмыцком языках: *халирах, балмагдах, жийрхэх*. В калмыцком языке подобных форм не обнаружено.

Большинство субстантивных и адъективных единиц со значениями ‘страх’, ‘боязливый, трусливый’ образованы от глагола *аууқи* ‘бояться’: *ауул* ‘страх, ужас, испуг, боязнь’, *ауумтай* ‘боязливый, робкий, трус’ [Kowalewski, 1849. Р. 132–133], бур. *айдахан*, монг. *айдас*, бур. *аймшаг*, монг. *аймшиг, аюумшиг*, ‘страх’, бур. *ехээр айлга* ‘страх’, калм. *ээлһн* ‘боязнь’; бур. *аймхай*, монг. *аймтгай, аймхай*, калм. *ээмтхэ* ‘боязливый, трусливый’. Также представлены: бур. *хүрдэлгэ*, калм. *сүрдлһн* ‘страх’; монг. *сүрдэмтгий, сүрдэмхий* ‘боязливый, робкий, пугливый’, монг. *бэмбэгэр, хулчгар* ‘трусливый, боязливый’ и др.

Фразеологизмы со значением страха

Как известно, переживание страха зачастую связывается с сердцем и душой (рус. *сердце чуть не разорвалось, сердце похолодело, душа ушла в пятки*). В письменном памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи» в день черной курицы среднего летнего месяца 35-го года правления Энхэ-Амугулана (1696 г.) в предложении *Ene qulayai jiriken qayarju bayilduysan ügei buruyulbai* ‘Этот разбойник [Галдан – Е. С.] сильно испугался и бежал, не вступая в бой’ п.-монг. *jiriken qayaraqu* дословно переводится ‘сердце раскололось’, в китайском варианте фразеологизм 肝胆为之破裂 *gān dǎn wéi zhī pò liè* дословно означает ‘печень и желчный пузырь лопнули’ [Правдивые записи..., 2021. С. 50]. По древним представлениям китайцев, средоточие лучших чувств души человека и источник благородства и доблести заключаются именно в этих органах. У монгольских народов также значима печень, но не желчный пузырь. В монгольских языках слово со значением ‘печень’ активно участвует в создании фразеологизмов, однако в данном случае более подходящим оказалось ‘сердце’.

В бурятском языке робость выражается с помощью фразеологизма *зүрхэ алдаха*, п.-монг. *jiriken aldaqu* [Kowalewski, 1849. Р. 2364], монг. *зүрх алдах*, бур. калм. *зүркэн алдх* ‘потерять дух, оробеть’ (досл. ‘сердце упустить’). Здесь слово *зүрхэн* выступает в значениях ‘воля, решимость; смелость, отвага’ и с позиции фоносемантики близко слову *зориг* ‘смелость, сила воли’, в котором согласный [р] передает внутреннее напряжение, силу, решимость совершить какое-либо действие. Другой бурятский фразеологизм *зүрхэн амаараа гараха* ‘сердцу выйти через рот’ в значении ‘сильно испугаться’ рассматривается Б. Д. Цыреновым как калька с русского языка [Чертыкова и др., 2020. С. 151]: *Зүрхэмни амаараа гарахaya ханахан шэнги түшэгэнэнэ* (Б. Мунгонов) ‘Сердце мое стучит так, будто хочет выскочить через рот’. На наш взгляд, этот фразеологизм характерен для ментальности монгольских народов, поскольку в том же значении он используется в халха-монгольском языке: *зүрх амаар гарах шахлаа* ‘чуть сердце не вышло через рот’. Кроме того, данный фразеологизм используется и для передачи состояния радости: *Агнууриингаа газарта ойртоходоо, Бармидай зосоо айхабтар хүхюун боложо, зүрхэниинь амаараа гараха дүтэлһэн хэбэртэй* (Б. Мунгонов) ‘По мере приближения к месту

охоты, на душе у Бармида повеселело, и сердце было готово выпрыгнуть из груди (досл. выйти через рот)’.

Что касается другого фразеологизма – *зүрхэн ула руугаа орохо* ‘сердце уходит в ступни’, то он больше похож на кальку русского выражения *сердце в пятки ушло: Тэмүүжэн ерээжэ ябана гэжэ дуулахадаа, зүрхэмни ула руугаа оронол!* (Ц. Цырендоржиев) ‘Как услышу о том, что Тэмужин прибывает, сердце в пятки уходит!’ Также в халха-монгольском языке сильный страх выражает фразеологизм *үнхэлцэг хагарах шахлаа* ‘чуть сердце не разорвалось’, где *үнхэлцэг* ‘околосердечная сумка’, досл. ‘чуть околосердечная сумка не разорвалась’. Кроме того, в монгольских языках представлены глаголы данного семантического поля, образованные от существительного *зүрхэн* ‘сердце’ с помощью словообразовательных суффиксов *-ши*, *-са*: п.-монг. *jirükesekei* ‘бояться, страшиться, трусить, робеть’ [Kowalewski, 1849. Р. 2366], монг. *зүрхиших* ‘робеть, трусить, бояться’, бур. *зүрхэсэхэ* ‘робеть, не решаться’.

К наиболее часто описываемым в литературе физиологическим формам проявления страха относится холодок по спине, внутри, реже на голове, сопровождаемый ознобом и мурашками. Сужение сосудов от страха, нарушающее кровоснабжение кожных покровов, передается с помощью бур. *нюрга руу хүйтэ дааха* ‘чувствовать холодок по спине’: *Муу юумэ бодоходоо нюрга руумни хүйтэ даана, досоом ямар бэ даа хооһон, аягүй, жишраггүй болоодхино* (С. Цырендоржиев) ‘Когда я думаю о плохом, по спине пробегает холодок, и внутри становится пусто и неприятно’; *досоо хүйтэ дааха* ‘чувствовать холодок внутри’: *Гэнтэ хадын арада шоно досоо хүйтэ даамаар улижархиба* (С. Цырендоржиев) ‘Вдруг за горой волк завыл так, что внутри похолодело’; *орой руу хүйтэ дааха* ‘чувствовать холод на голове’: *Орой уруунь хүйтэ дааж, үһэнинь арзайна* (Ц. Дон) ‘По голове пробежал холодок и волосы поднялись дыбом’. Этот холодок сравнивается с пауком или змеей: *Нюрга руум эрэн могойн мүлхийэндэл хүйтэ дааж эхилбэ* (Ц.-Д. Хамаев) ‘По спине побежал холодок, как пестрая змея’; *Хуухын үһэн эрээгэд гэн, арбан хүлтэй абаахайн ара нюрга уруунь гүйһэндэл хүйтэ дааба* (А. Шадаев) ‘Волосы на голове зашевелились, и по спине побежал холодок, подобно десятиногому пауку’. Также в бурятском языке вербализуется ощущение холодного пота на спине: *хүйтэн хүлһэ адхаха* ‘обливаться холодным потом’: *Нэгэ хэды ябад гээд, алууршадай зүрхэ сэдхэлые дагжа таамаар улиһан уляанинь нюргаарнь хүйтэн хүлһэ адхуулна* (Б. Ябжанов) ‘Немного пройдя, убийцы слышали вой, от которого сжималось сердце и по спине бежал холодный пот’.

Озноб и мурашки выражаются с помощью глаголов бур. *дагжа хүрэхэ* ‘чувствовать озноб’ и *заригад гэхэ* ‘чувствовать мурашки’: *Нюрга руунь хүйтэ дааж, дагжа хүрээжэ байһанаа болёодхибо* (Б. Шойдоков) ‘Холодок и мурашки по спине прекратились’; *Тээсэгэн һая Хумбаа Дагбын харааһан занһан Должондо гэнтэ һанагдажа, заригад гэжэ айдаһанинь ехээр хүрөөд, бэнь дагжаран, досоонь уйтаржа бахардаба* (Ц. Дон) ‘Должон вдруг вспомнилось, как недавно бранился Хумбаа Дагба, от страха ее пробрали мурашки, все тело забил озноб, и внутри стало тесно’. Сочетание сильных с позиции фоносемантики согласных [j], [č] и [r] в корнях слов бур. *зариша*, *заригад гэхэ* ‘трепетать, содрогаться’, монг. *царвалзах* ‘трястись от холода’, бур. *жэржэжэр* ‘дрожащий’ служит для актуализации в языке лихорадочного состояния организма.

Значение ‘побледнеть от страха’ передается с помощью идиом *айһайндаа хүхэ сагаан болошохо* досл. ‘стать сине-белым от страха’, *хухихар хүхэ болохо* ‘стать бледно-синим’: *Айхатар ехэ аюулһаа гарасалдаһан аяниад айһандаа хүхэ сагаанууд болошонхой, шэшэргэнэлдэһэн уралтай юмэд мүнөөхи шулуунуудай үнажа ерэхэн хабсагайн орой өөдэ айнгяар шэртэн зогсод* (Б. Мунгонов) ‘Избежавшие большой опасности бледные путники с трясущимися губами боязливо всматривались в вершину утеса, с которого падали камни’.

Дрожь как другое экспрессивное проявление страха выражается в бур. *үбдэг шэшэрхэ* ‘колени трясутся’: *Зүрхэнэйнгөө гэнтэ шанга шангаар сохилжо, үбдэгэйнгөө аягүйгөөр һуларан, жээжэхэнээр, таһалгаряагүйгөөр шэшэржэ байһые тэрэ ажаглаба* (К. Цыденов) ‘Сердце вдруг бешено застучало, и он заметил, как колени его ослабли и начали мелко, беспрестанно

дрожать'. В русском языке в подобной идиоме помимо существительного колени используется слово поджилки, обозначающее коленное сухожилие. Данный признак воплощен в бурятской поговорке *Айһан хүнэй хормой халганаха* 'У труса подол трясется'. Часто от страха дрожит голос: *Тиигээд бэнь халганажа, ехээр сошоһон айһандаа муухайгаар, ямаанай маараһандал, абья гараба* (Ч. Цыдендамбаев) 'Он весь задрожал и с испугу издал страшный звук, похожий на бление козы'.

Шевеление волос на голове от страха связано с физиологическими особенностями организма: «из-за выброса адреналина в кровь происходит сокращение волосяной мышцы, поднимающей волосы» [Бекиров, Рублева, 2019. С. 11]. Бур. *үһэн үрзыхэ, үһэн орболзохо* 'вставать дыбом – о волосах': *«Хабшалга хорёом адатай шүдхэртэй болобо гү», – гэжэ ханахадаа, Монхойн үһэнийн үрзыхэ, пэишэн дээрэхи дэнгээшье абаха тухаа таһаран, гэрэйнгээ тэг дунда байһаар байшана* (П. Малакшинов) 'Когда Монхой подумал: «Неужто в загоне черти завелись?», волосы его встали дыбом, и он встал как вкопанный посреди дома, даже не пытаясь взять лампу с печи'.

Также выделяются такие реакции организма, как оцепенение и, напротив, стремление убежать (бур. *зугадаха* 'обращаться в бегство', *тэрвэдэхэ* 'удирать', *харайн бодохо* 'вскакивать'). С отказом ног связаны выражения бур. *доошоо хал хуушаха* 'так и сесть вниз', *гэдэргээ хуушаха* 'сесть назад': *Зэмьээгэй орой дээгүүр харан гэхэдээ, айһандаа гэдэргээ хуушан алдабаб* (С. Цырендоржиев) 'Взглянув на крышу зимовья, я чуть не сел назад от страха'. Непроизвольный жест закрывания лица руками продиктован стремлением отгородить себя от страха, бур. *нюураа бүглэхэ* 'закрывать лицо': *Тиигээд лэ, сонхыень бүглэн, барбагар хара тархи түглыбэ, Гүнсэн хүгшэн айһандаа нюураа бүглөөд, орон дээгүүрээ ухаа мэдээгээ табин, унашаба* (С. Цырендоржиев) 'На все окно показалась лохматая черная голова, и старушка Гунсэн, от страха закрыв лицо руками, без сознания рухнула на кровать'.

Оцепенение может касаться не только тела, но и языка: бур. *хэлээ тангалайдаа няаха* 'приклеить язык к небу'; *абья гаража шадахаа болихо, үгээ хэлэн ядаха* 'быть не в состоянии вымолвить ни слова': *Абья гараха, ооголхошье аргамни үгы. Айһандаа хэлэмни тангалайдаа няалдашоо* (Б. Мунгонов) 'Не могу ни пикнуть, ни крикнуть. От страха язык приклеился к небу'. Страх может сопровождаться и криком, с помощью которого человек пытается защитить себя: – *Юундэ һөөргөө ерэбэй? – гэжэ Барга-Няма мэгдүүгээр гүбэрөөд, ехээр айһандаа муухайгаар абья гараба, һүүхирбэ* (Б. Мунгонов) – 'Почему ты вернулся? – спросил встревоженно Барга-Няма и от ужаса страшно закричал'.

Наконец, страх, выражаемый с помощью глаз, передается в *нюдээз бэлтэлзүүлхэ* 'выпучивать глаза', *зэртэгэр болохо* 'таращить глаза', *ганса нюдэн болохо* 'превращаться в одни глаза': *Айһандаа Баярмаагай нюдэд зэртэгэр ехэнүүд болошоод, уралнуудын жэжэсхэнээр шэшэргэнэлдэн байба* (Б. Мунгонов) 'От страха глаза Баярмы выпучились, а губы мелко дрожали'. Это связано с прямым проявлением страха: верхние веки приподняты так, что видна склера, нижние – приподняты и напряжены [Бекиров, Рублева, 2019. С. 13].

Во фразеологическом фонде монгольских народов рассматриваемого семантического поля отражены слова, обозначающие домашних животных. Так, трусливый человек сравнивается лошадей и собакой: монг. *тушаагай морь шиг* 'как лошадь в путях', *хулжсан морь шиг* 'как одичавшая лошадь', *нуруугаа авахуулсан морь шиг* 'подобно лошади с поврежденной спиной', *сүү долоосон гөлөг шиг* 'как щенок, лизнувший молока'. Также про него говорят бур. *шубуун зүрхэтэй* 'с птичьим сердцем', монг. *туулайн зүрхтэй* 'с заячьим сердцем' (ср. рус. *труслив как заяц*). Следует отметить, что в целом паремии со словом *морин* 'лошадь' в монгольских языках изображают это животное как очень ценное для кочевника животное, не случайно его называют *морин эрдэни* 'конь-драгоценность', в большинстве случаев компонент *морин* имеет положительную эмоциональную окраску. Однако, как видно из примеров, лошадь может актуализировать другие метафорические смыслы, образно характеризующие человека, в част-

ности, его трусость. Подобные единицы, храня в себе национально-культурную информацию, демонстрируют особенности аксиологических категорий кочевых народов.

Заключение

Таким образом, результаты исследования показывают, что страх является «психическим процессом, отражающим отношение человека к самому себе и окружающему миру, характеризующееся мимическими, психосоматическими, поведенческими изменениями и объективирующимся в языке» [Кириллова, 2007. С. 9]. Нами рассмотрены значения доминантных согласных в корне лексем со значением ‘бояться’, которые связаны с тем или иным внутренним ощущением, сопровождающим страх. Так, установлено, что доминанта [g] обозначает задержку дыхания, доминанта [l] – течение воздуха, резкий вдох, доминанты [r], [ʃ] и [č] – дрожание, трепет. Фразеологизмы, описывающие физиологические формы проявления страха, такие как холодок по спине, дрожь, шевеление волос на голове, расширение глаз, оцепенение и попытка побега, в целом совпадают с таковыми в русском языке, поскольку страх у всех народов выражается одинаково. Примеры из бурятской художественной литературы свидетельствуют о том, что писатели, как правило, используют описание нескольких проявлений страха для того, чтобы показать глубину этой эмоции. Выявление мотивов номинации эмотивной лексики позволяет в определенной степени выявить национально-культурную, ментально-психологическую специфику и ценностную ориентацию монгольских народов.

Список литературы

- Ахматова М. А., Салчак А. Я., Чертыкова М. Д. Средства выражения эмоции страха в тюркских языках (на примере тувинского, карачаево-балкарского и хакаского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 224–238.
- Бекиров Р. А., Рублева В. В. Сопоставительная характеристика фразеологизмов семантического поля «страх» в арабском, русском и английском языках // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, № 3 (19). С. 6–21.
- Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 246 с.
- Кириллова Н. В. Концептуализация эмоции страха в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2007. 30 с.
- Михалев А. Б., Тамбиева Ж. М. Фоносемантические функции заднеязычных, фарингальных и ларингальных в корневых морфемах абазинского языка // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. 1999. № 4. С. 18–22.
- Мулаева Н. М. Эмотивные глаголы в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Oriental Studies. 2020. Т. 13, № 4. С. 1103–1120.
- Правдивые записи о монголах Цинской империи. Т. 3. Правление Шэнцзу (1696–1722 гг.) / Пер. со старописьменного монгольского Е. В. Сундуевой. Иркутск: Оттиск, 2021. 476 с.
- Сундуева Е. В. Интерпретация ощущения боли и чувства страха в монгольских языках // Вестник Бурятского гос. ун-та. Серия: Филология. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. Вып. 10. С. 132–136.
- Сундуева Е. В. Связь духа и дыхания в монгольских языках // Мир Центральной Азии – 4: Сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 400–403.
- Тамбиева Ж. М. Межязыковая фоносемантическая характеристика гуттуральных согласных: на материале русского, английского и абазинского языков: Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003. 169 с.

Чертыкова М. Д., Цыренов Б. Д., Каксин А. Д. Фразеологические единицы с соматизмом «сердце» в разноструктурных языках (на материале хакасского, бурятского и хантыйского языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6, № 4. С. 146–158.

Словари

- БАМРС, 2002 – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбе-ев. М.: Academia, 2002. Т. 4. X–Я. 532 с.
- БРС, 2008 – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. Т. II. О–Я. 708 с.
- EDAL, 2003 – Starostin S., Dybo A., Mudrak O. (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). Etymological Dictionary of the Altaic Languages, Part I [A–K], Part II [L–Z], Part III [Indices]. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.
- Kowalewski, 1849 – Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. V. I–III. 2690 p.

References

- Akhmatova, M. A., Salchak, A. Ya., Chertykova, M. D.** Means of expressing the emotion of fear in the Turkic languages (on the example of Tuvan, Karachay-Balkar and Khakass languages). *Novye issledovaniya Tuvy* [New studies of Tuva]. 2022, no. 2, p. 224–238. (in Russ.)
- Bekirov, R. A., Rubleva, V. V.** Comparative characteristics of phraseological units of the semantic field “fear” in Arabic, Russian and English languages. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates]. 2019, vol. 5, no. 3 (19), p. 6–21. (in Russ.)
- Dondukov, U.-Zh. Sh.** Affixal word formation of parts of speech in the Buryat language. Ulan-Ude: Buryat Publ. House, 1964, 246 p. (in Russ.)
- Kirillova, N. V.** Conceptualization of the emotion of fear in different structural languages (based on the material of Russian, English and Chuvash languages). PhD Thesis Abstr., Cheboksary, 2007, 30 p. (in Russ.)
- Mikhalev, A. B., Tambieva, Zh. M.** Phonosemantic functions of the posterior lingual, pharyngeal and laryngeal in the root morphemes of the Abaza language. *Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University], 1999, no. 4, p. 18–22. (in Russ.)
- Mulaeva, N. M.** Emotive verbs in the Kalmyk heroic epic “Dzhangar”. *Oriental Studies*, 2020, vol. 13, no. 4, p. 1103–1120. (in Russ.)
- True records of the Mongols of the Qing Empire. Vol. 3. The reign of Shengzu (1696–1722) / trans. from the old Mongolian by E. V. Sundueva. Irkutsk, Ottisk Publ., 2021, 476 p. (in Russ.)
- Sundueva, E. V.** Interpretation of the sensation of pain and the feeling of fear in the Mongolian languages. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Filologija* [Bulletin of the Buryat State University. Philology series]. Ulan-Ude, Buryat State University, 2010, issue 10, p. 132–136. (in Russ.)
- Sundueva, E. V.** The connection of spirit and breath in the Mongolian languages // *Mir Central'noj Azii-4* [The World of Central Asia-4]: collection of scientific articles. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017, p. 400–403. (in Russ.)
- Tambieva, Zh. M.** Interlanguage phonosemantic characteristics of guttural consonants: on the material of Russian, English and Abaza languages: abstract. PhD Dis., Pyatigorsk, 2003, 169 p. (in Russ.)

- Chertykova, M. D., Tsyrenov, B. D., Kaksin, A.D.** Phraseological units with somatism “heart” in different structural languages (based on the material of Khakass, Buryat and Khanty languages). *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 146–158. (in Russ.)

Dictionaries

- БАМРС, 2002. Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. G. C. Pjurbeev (Ed.), Moscow, Academia, 2001, vol. 1, 486 p.
- БРС, 2008. Buryatsko-russkij slovar': V 2 t. [Buryat-Russian dictionary: in 2 vols]. L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov (Comp.). Ulan-Ude, Respublikanskaya tip., 2008, vol. 2, 708 p.
- EDAL, 2003. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). Etymological Dictionary of the Altaic Languages, Part I [A—K], Part II [L—Z], Part III [Indices]. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.
- Kowalewski, 1849. Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. V. I–III. 2690 p.

Информация об авторе

Екатерина Владимировна Сундужева, доктор филологических наук, доцент Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Information about the Author

Ekaterina V. Sundueva, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 21.04.2023;
одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 13.09.2023
The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 30.08.2023;
accepted for publication 13.09.2023*